

Столярова Ольга Евгеньевна

Возвращение метафизики как предмет исторической онтологии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Специальность 5.7.1 – онтология и теория познания

Москва-2021

Работа выполнена в секторе социальной эпистемологии Института философии РАН

Научный консультант:

Касавин Илья Теодорович – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН.

Официальные оппоненты:

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, доцент, ординарный профессор школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»».

Кузнецова Наталия Ивановна – доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела историографии и источниковедения истории науки и техники Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова» Российской академии наук.

Ажимов Феликс Евгеньевич – доктор философских наук, доцент, директор школы искусств и гуманитарных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет».

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Защита состоится «15» марта 2022 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета 24.1.143.03

Института философии РАН по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института философии РАН (https://iphras.ru/uplfile/diss/stolyarova/dissertatsiya_stolyarova.pdf)

Автореферат разослан «__» _____ 20__ г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат философских наук

Пилюгина М. А.

Общая характеристика диссертации

Актуальность темы исследования

Каковы основания человеческой мысли? Этот вопрос для философии является «вечным», поскольку философия почти с первых своих шагов осуществляется как попытка понять, почему мы мыслим и высказываемся так, а не иначе, что обеспечивает наши суждения о мире, что мы мыслим и высказываем, когда мыслим и высказываемся о том, что нас окружает и чему мы сами принадлежим, – о реальности, о бытии, о существовании и существующем. Философия неотделима от рефлексии по поводу мысли, она, по сути, и есть рефлексия по поводу мысли. Непосредственное знание наивно, рефлексивное критично. Непосредственное знание судит о чем-либо. Рефлексивное ставит вопрос об условиях возможности суждения. Вне этого рефлексивного движения от мысли к тому, что ее обеспечивает и поддерживает, нет философии. Разумеется, философия не только спрашивает, но и отвечает. Ответы, которые она предлагает, становятся объектом ее же критической рефлексии на каждом следующем витке мысли. Если мы посмотрим на историю философии, то мы увидим, что каждый значительный «философский поворот», вдохновленный новой философской концепцией или концепциями, выражающими «дух времени», несет в себе более или менее явном виде переосмысление всей предшествующей мысли и философии. Это происходит потому, что человеческая мысль, или знание, об основаниях которого спрашивает философия, исторически прирастает, пополняя тем самым тот материал, по отношению к которому последующая философия занимает рефлексивную позицию. При этом каждое философское усилие реализуется как совмещение двух «режимов» – наивного, непосредственного, знания, и критической рефлексии, желая удержать их вместе. Философ осуществляет это усилие как в последний раз, не соглашаясь перепоручить критическую работу наследникам, которые вынесут его вперед ногами, хотя бы даже наследники и сопровождали «вынос тела» дипломатичными уверениями в том, что они всего лишь «карлики, стоящие на плечах гигантов».

Один из таких, претендующих на окончательность, ответов философии на вопрос об основаниях человеческой мысли – это ответ негативный. Мы называем негативным такой ответ на вопрос об основаниях мысли и знания, который состоит в отрицании самого вопроса об основаниях как неправомерного и бессмысленного. Эта негативная философская позиция была впервые сформулирована в античности в виде скептического ответа на догматические суждения о мире. Далее она проходит через всю историю мысли, обнаруживая себя в апофатической теологии, средневековом номинализме, нововременном эмпиризме и, наконец, закрепляется как устойчивая и широко распространенная критика метафизики, вдохновленная кантовским трансцендентальным переворотом – «коперниканской революцией», которая опиралась на методы и результаты естествознания.

Во второй половине XX в. общее антиметафизическое умонастроение философии начинает постепенно изменяться. Появляется все больше работ, авторы которых заявляют о неизбежности метафизики для философии. Эти

исследователи обращают наше внимание на постоянное присутствие метафизики в философском дискурсе, ее конститутивное значение или настаивают на необходимости ее восстановления для сохранения философии. Немало тех, которые утверждают и то, и другое: они говорят, что метафизика никогда не покидала философию, но, что ее, тем не менее, следует вернуть. По-видимому, придерживающиеся такой точки зрения полагают, что осознание факта неустранимости метафизики должно привести к ее реабилитации. Именно эта, в определенном смысле, парадоксальная, позиция будет находиться в центре данного диссертационного исследования.

В последние десятилетия умножается количество философов и философских направлений, преодолевающих прошлое «преодоление метафизики». Данная ситуация позволяет нам согласиться с тем, что метафизика возвращается в философию. Сегодня многие исследователи провозглашают и приветствуют так называемый онтологический поворот, который заключается в стремлении философии вновь включить познающего субъекта в реальный мир, принимая последний за подлинное основание (условие возможности) нашего опыта и знания. Онтологический поворот предстает в разных терминологических обликах – как «спекулятивный реализм», «новая метафизика», «новый реализм», «научная метафизика», «эмпирическая метафизика», «онтологический конструктивизм», «трансцендентальный реализм», «объектно-ориентированная онтология», «онтология процесса», «историческая онтология», «метафизический научный реализм» и пр. Характерной особенностью новых метафизических проектов является то, что они не противопоставляют себя естественным наукам, но, напротив, обращаются к научным практикам и результатам для поддержки своей позиции. Это означает, что новая метафизика желает соединить в себе, метафорически выражаясь, воду и масло, а именно, две взаимно исключаящие друг друга методологии, – научную методологию, ограничивающую реальность данным, и традиционный философский поиск внешних оснований нашего опыта и знания, независимых от нашего опыта и знания. Не указывает ли этот странный синтез на то, что и в научном познании, и в его философском осмыслении сегодня происходят сущностные изменения, позволяющие пересмотреть границы и первого, и второго? Если дело обстоит так, что тогда мы получаем в результате этого пересмотра? Что нам следует понимать под возвращением метафизики, какую философскую оценку мы можем дать этому интеллектуальному событию?

С одной стороны, мы не можем не признать факт возвращения метафизики, поскольку сама философия в лице возрастающего количества приверженцев «онтологического поворота» утверждает, что метафизика возвращается. С другой стороны, цель философского предприятия, состоит в выяснении условий возможности тех или иных (в пределе – всех) фактов опыта, мысли, знания, и факт возвращения метафизики не является исключением. Но, задавая рефлексивный вопрос об основаниях, или условиях возможности факта возвращения метафизики, мы ступаем на очень зыбкую почву, которая угрожает нам потерей устойчивости и однозначности наших выводов. Допустим, мы согласимся с тем, что негативная позиция, запрещающая нам выходить в наших суждениях за границы, очерченные нашим познавательным опытом, является действительно (как и полагали ее творцы и защитники) необратимой и окончательной. Тогда нам следует

интерпретировать факт возвращения метафизики в терминах постметафизической коллективной субъективности. Тогда нам придется признать, что человеческая мысль из собственных глубин извлекает исторический философский нарратив, переходя от преодоления метафизики к возвращению метафизики. Этот переход обеспечивается тем, что разум отчуждает от себя собственное произведение – результаты науки, и, трактуя их в реалистическом ключе, производит из себя иллюзию «внешнего мира». Иными словами, этот переход от преодоления к возвращению метафизики нам следует интерпретировать как историю развития представлений о мире, принадлежащих субъекту, сохраняя тем самым концепцию трансцендентальных (культурных, социальных, исторических и т.п.) условий возможности науки. Но тогда о подлинном возвращении метафизики говорить не приходится. Если же мы согласимся с теми, кто настаивает на возвращении метафизики как возвращении истинного знания о мире, то, что мы можем сказать о «внешних» по отношению к данному феномену основаниях? Можем ли мы подтвердить (если угодно, верифицировать) эти основания, признав объективный характер возвращения метафизики? Можем ли мы сказать, что сегодняшняя философия, во-первых, сохраняет себя в качестве несводимой к естественным наукам дисциплины, определяя условия возможности этих наук (и опыта в целом), и, во-вторых, принимает за объясняемое именно те науки, которые возвращают метафизике ее конститутивное и объективное значение?

Эти и вытекающие из них вопросы рассмотрены в данном диссертационном исследовании, актуальность которого определяется общей проблемной ситуацией взаимодействия философии и науки. На современном этапе эта ситуация усложняется вследствие появления и распространения ориентированной на науку метафизики, которая пытается выйти за пределы познания, опираясь при этом на результаты познания. Философский анализ условий возможности новой метафизики, исследование ее отношения к науке должны способствовать нашему пониманию места и роли научного и философского познания в системе современной культуры.

Степень научной разработанности проблемы

История развития философских представлений о метафизике уходит корнями в эпоху античности. Тогда было открыто и противопоставлено чувственному познанию философское умозрение, и начались теоретические исследования объектов этого умозрения – идей, сущностей, первых принципов, оснований, причин и начал мироздания. Тогда же возникла и первая критика метафизических концепций со стороны субъективистски и скептически настроенных философов. Мы выделяем две исторические линии философии, которые часто пересекаются. Первая из них отображает становление и развитие метафизического познания и рефлексивного представления о метафизическом познании. Вторая – скептическую, агностическую и релятивистскую критику метафизики, которая вносит никак не меньший, если не больший вклад в развитие философской рефлексии по поводу метафизики. Важнейшими вехами первой линии развития мысли являются концепции античных натурфилософов, Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Суареса, Декарта, Лейбница, Спинозы. В этих

концепциях метафизика формируется и предстает как наука о сверхчувственных основаниях бытия, каковые – от единой первопричины универсума до множественных оснований вещей и процессов – выступают источником объяснения всего чувственно воспринимаемого многообразия мира.

История критики метафизики представлена аргументами софистов, скептиков и агностиков (античность), номиналистов и концептуалистов (Средние века), эмпириков и сенсуалистов (Новое время). Кульминацией философской критики метафизики и «окончательным» решением проблемы метафизического познания явились критические работы И. Канта, усвоение которых привело к тому, что можно назвать «эпистемологическим перекосом» современной философии. Трансцендентальный поворот, осуществленный Кантом, надолго маргинализировал метафизику и сделал ее «персоной нон грата» философских исследований, сосредоточившихся на субъективных (эпистемологических) условиях возможностей познания. После Канта и немецкой классической философии философская непосредственность в отношении метафизики, которая выражалась в построении метафизических систем, уступает доминирующее место философскому осмыслению метафизического познания как исторического и преходящего явления мысли. Эта тенденция характерна преимущественно для континентальной философии, унаследовавшей метафилософский историзм Гегеля, согласно которому философия представляет собой историческую рефлексию Абсолютного духа (коллективного сознания, разума) в отношении своего собственного (исторического) бытия. Данное диссертационное исследование во многом отталкивается от гегелевского историзма и его рецепции в философии XIX-XX вв. (Г. Коген, Э. Кассирер, Э. Гуссерль, А. Н. Уайтхед, У. Джеймс, Р. Дж. Коллингвуд, А.Ф. Лосев, М. Хайдеггер, М. Фуко, Ю. Хабермас, Р. Рорти, У. Селларс, К. Ясперс).

Альтернатива историческому рассмотрению метафизики представлена подходом англо-американской аналитической философии, которая за некоторыми исключениями, например, такими, как отмеченные выше Р. Рорти и У. Селларс, характеризуется индифферентностью и иногда даже враждебностью к истории. Аналитическая философия во многом воспроизводит и развивает критические по отношению к метафизике установки эмпиризма и позитивизма. Для целей данного исследования теоретические результаты эмпиризма, позитивизма и аналитической философии очень важны, поскольку они формируют значительную часть той интеллектуальной ситуации, на фоне которой рассматриваемое нами возвращение метафизики приобретает смысл. Ключевой особенностью этого направления мысли является его ориентация на естественно-научный метод фиксации, систематизации и логико-математической формализации фактов опыта, чем объясняется его принципиально неисторический характер. Хорошо усвоив урок критической философии Канта, представители позитивизма и аналитической философии ограничивают философию анализом логической формы высказываний, описывающих опыт. Философии отводится роль инстанции, контролирующей логическую форму и осмысленность (верифицируемость) высказываний. Метафизика оказывается вне философии и оценивается как бессмысленная спекуляция или художественное выражение субъективного переживания жизни. Ирония заключается в том, что это программное требование философии, как и

любая другая декларируемая философская позиция, не может избежать философского обоснования, которое по определению не может не выходить за пределы того, что декларируется. Философское обоснование англо-американской традиции критики метафизики базируется на определенном понимании опыта, языка и научного метода. Как правило, опыт сводится к индивидуальному чувственному опыту, язык трактуется номиналистически, а научный метод интерпретируется как по преимуществу индуктивный. Основополагающими для данной традиции являются работы Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, М. Шлика, А. Дж. Айера.

Во второй половине XX в. критическая позиция аналитической философии по отношению к метафизике находит выражение в исследованиях и обсуждении проблемы реализма. Приверженность позитивистскому идеалу научной объективности, не допускающему историзации и релятивизации знания, определяет стремление ряда представителей аналитической философии разработать концепцию «научного реализма». Научный в данном случае означает 1) неметафизический и 2) формальный. Гарантом научности онтологических суждений для реалистов аналитической школы выступает язык. Кантовские структуры трансцендентальной субъективности уступают место лингвистическим структурам, создающим осмысленную онтологию, условия истинности которой задаются, опять же, языком, его способностью непротиворечиво описывать дискретные состояния нашего опыта (факты) и связи между ними. Разнообразные концепции аналитического реализма (представлены в работах У.В.О. Куайна, П. Стросона, М. Даммита, Д. Дэвидсона, Х. Патнэма, Д. Льюиса и др.¹) объединяет логоцентризм, который закономерно приводит их авторов к построению онтологии без метафизики. Возможности такой онтологии целиком и полностью определяются миром явлений, оформленным посредством языковых каркасов. Задача философии сводится к изучению эпистемологических свойств этих языковых каркасов без метафизических притязаний на создание теорий мироустройства. Незаконные притязания такого рода Питер Стросон определяет как «ревизующую метафизику», противопоставляя ей легитимную «дескриптивную метафизику», ограниченную анализом языка. По поводу «дескриптивной метафизики» Стросона современный исследователь аналитической метафизики П. Симонс выразился следующим образом: «Метафизика Стросона наподобие метафизики его учителя Канта остается в эпистемологической смиренной рубашке»... Это метафизика «лайт». На наш взгляд, эта характеристика передает общую идею аналитического научного реализма и может быть применима к подавляющему большинству его концепций.

Стратегии преодоления позитивистски ограниченной аналитической метафизики связаны со становлением и развитием постпозитивистской философии науки, которая реализуется в тесном взаимодействии с историей, социологией и междисциплинарными исследованиями науки и техники. Данное диссертационное исследование опирается на два комплекса идей, которые получили широкое распространение и разработку в постпозитивистской критике эмпиризма и

---

¹ Критический анализ позиции реализма в аналитической философии представлен в работах Л.Б. Макеевой, Н. Решера.

позитивизма. Первый из них является выражением принципа контекстуализма в отношении познания. Он говорит о теоретических предпосылках опыта (прежде всего, научного), которые определяют интерпретацию фактов. Второй указывает на принцип историзма в отношении познания. Он утверждает историческую изменчивость познавательных предпосылок, или познавательных контекстов, и подчеркивает необходимость их ретроспективного анализа для понимания динамики научного познания и рациональности в целом. Признание конститутивного значения теоретических предпосылок познания имеет прямое отношение к восстановлению в правах онтологии, потесненной эпистемологией, или метафизики (в данном случае понятия онтологии и метафизики взаимозаменяемы). Термин «теоретические» не должен вводить в заблуждение. Речь идет не о научных теориях, которые, как полагали позитивисты, представляют собой индуктивное обобщение фактов, а о теории в исходном греческом значении умозрения, т.е. целостного взгляда на мир, в контексте которого любой частный опыт приобретает смысл и значение. Эти предпосылки следует охарактеризовать как убеждения, ценностные и мировоззренческие установки, системы взглядов, верования и т.п., которые не выводимы из опыта, но предшествуют опыту и наделяют его тем или иным содержанием. От кантовских априорных трансцендентальных структур, организующих опыт, их отличает содержательный характер: они суть идеи, образы, понятия, концепции, выражающие осмысленное отношение познающего субъекта к миру. В философии науки принцип контекстуализма обращен против эмпирического обоснования науки, на котором настаивали позитивисты, поскольку он утверждает приоритет онтологических (метафизических) допущений перед фактами опыта.

Мы выделяем три точки роста постпозитивистской модели науки и научного познания, учитывая соответствующие исследования. Одна из них относится к философии науки, в рамках которой возникает реакция на логический позитивизм в ходе обсуждения проблематики последнего. Критика принципа верификации и замена его принципом фальсификации, осуществленные К. Поппером, показали эвристическую ценность теоретических допущений, которые пересматриваются задним числом по мере развития научного знания. С другой стороны, удар по индуктивистской модели науки был нанесен Куайном и Витгенштейном, которые продемонстрировали зависимость атомарных впечатлений и основанных на них протокольных высказываний от более общих конвенциональных понятийных систем. Куайна как и Витгенштейна нельзя причислить ни к постпозитивистам, ни, тем более, к метафизическим реалистам, поскольку они остаются в пределах логоцентризма аналитической традиции. Но их работы немало способствовали упрочению позиций контекстуализма² в постпозитивистской философии науки³.

---

² Другой важный источник проблематики контекстуализма формируется в антропологии, лингвистике и психологии под влиянием идеи лингвистической относительности (гипотеза Сепира-Уорфа; работы Б. Малиновского, Л.С. Выготского и др.); См. об этом: Касавин, И.Т. Контекстуализм как методологическая программа // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 6. № 4. С. 5–17.

³ Интересный взгляд на контекстуализм в философии науки и глубокий анализ этой проблематики, подчеркивающий взаимосвязь контекстуализации проблем науки и

Дальнейшее развитие идея концептуальных схем, или «тематических рамок», определяющих фактуальный базис науки, получила в работах И. Лакатоса, П. Фейерабенда, С. Тулмина, М. Полани, Н.Р. Хэнсона, К. Хюбнера, Т. Куна. Авторы объединяет ревизионистское стремление к деконструкции научной объективности с целью показать, как широкие и исторически изменчивые смысловые контексты влияют на эмпирически добываемые истины. Другая точка роста постпозитивизма возникает в философски ориентированной истории науки и метафилософской истории идей. Здесь следует отметить работы П. Дюгема, Э. Мейерсона, Г. Башляра, А. Койре, Ж. Кангилема, сформировавшие традицию французской исторической эпистемологии, а также работы А.О. Лавджоя, Р. Дж. Коллингвуда, А.Н. Уайтхеда. Проводимый в этих работах ретроспективный анализ философских оснований естественных наук восстанавливает конститутивное значение онтологии (метафизики) для эпистемологии и раскрывает историческую динамику мировоззрений, или картин мира, определяющих эмпирические результаты познания. Еще одну точку роста постпозитивистской модели научного познания мы находим в социологии и социальной истории науки. Работы Р. Мертона, Л. Флека, Б. Гессена, Г. Гроссмана привлекают внимание эпистемологов и философов науки к социоэкономическим, социополитическим, социотехническим детерминантам процесса и результатов познания.

Определенным итогом развития вышеозначенных тенденций в философии, истории и социологии науки можно считать чрезвычайно широкий спектр междисциплинарных исследований науки и техники, которые с последней трети XX в. определяют повестку дня постпозитивизма. Многие из этих исследований реализуются в рамках таких направлений и программ, как социология научного знания (SSK), история и философия науки (HPS), история философии науки (HOPOS), социальная эпистемология, историческая эпистемология, исследования науки и техники (STS) и др. В этих исследованиях принципы контекстуализма и историзма получают дальнейшее развитие.

Принцип контекстуализма в сочетании с принципом историзма образует специфическую эпистемологическую перспективу, в центре которой находятся вопросы происхождения знания, прежде всего, научного, эмпирического знания. Эта перспектива по своему методу и вложенным в него интенциям близка традиционному философскому поиску скрытых, лежащих за пределами опыта, оснований нашего познания, или условий его возможности. Однако, как было сказано выше, после Канта условия возможности связываются с познающим субъектом, а их поиск приобретает значение деконструкции, т.е. раскрытия исходных эпистемологических элементов и процессов, из которых и в ходе которых познающий субъект производит (конструирует) знание. К исходным познавательным элементам относятся не только теоретические предпосылки или смысловые допущения, но и опытно воспринимаемые факторы (отсылающие к внешним, материальным причинам), такие как социальное взаимодействие, экономические потребности, технические средства, практические обстоятельства

и т.п. Общий для постпозитивизма интерес к «контекстам открытия» и их исторической динамике сглаживает различия между интерналистами и экстерналистами. Пусть первые заинтересованы в истории идей и мировоззрений, влияющих на науку, а вторые ищут основания развития научного познания в развитии социальных отношений и материальных (телесных, технических, экономических) практик. Но их объединяет то, что можно назвать культурным релятивизмом. Человеческая культура в самом широком значении этого слова, включающая и теории, и практики, и материальный, и духовный мир, т.е. все, что исторически создавалось и создается человеком, представляет для них те основания, те «трансцендентальные структуры», в отношении к которым все человеческое знание и, в особенности, научное знание должно быть понятно. В целом о постпозитивистской мысли можно говорить как об историзации кантовского трансцендентального субъекта, который приобретает культурный лик (или, если угодно, физиономию), выражая и духовное, и материальное своеобразие той или иной эпохи или традиции.

Социальные компоненты (они же – движущие силы) исторического развития трансцендентального субъекта выходят на первый план в работах Д. Блура, Б. Барнса, Г. Коллинза, Т. Пинча, Э. Пикеринга, С. Вулгара, Б. Латура, К. Кнорр-Цетины. Анализ теоретических компонентов, отвечающих за историческую изменчивость познания, превалирует в работах П.П. Гайдено, А.В. Ахутина, В.Н. Поруса, Е.А. Мамчур, А.Л. Никифорова, В.С. Степина, З.А. Сокулер, Л.А. Марковой, Л.А. Микешиной, А.А. Печенкина, В.П. Филатова, В.П. Визгина, М. Фридмана, Ф. Китчера, Г. Хатфилда, Д. Дюпре. Однако современные постпозитивистские исследования науки с трудом поддаются дифференциации в терминах экстернализма и интернализма; они представляют собой, скорее, смешанные версии, подчеркивающие взаимодействие «внешних» и «внутренних» детерминант научного познания. Данная позиция особенно ярко выражена в работах социальных эпистемологов – И.Т. Касавина, А.Ю. Антоновского, С. Фуллера, Х. Лонжино; представителей социальной и философской истории науки – Л.М. Косаревой, Н.И. Кузнецовой, И.С. Дмитриева, С. Шеффера, С. Шейпина, Д. Халла, Д. Вуттона, Б. Экеберга; исторических эпистемологов – И. Стенгерс, Л. Дэстон, П. Гэлисона, М. Куша, Ю. Ренна, Х.-Й. Райнбергера; прагматически ориентированных философов науки – Я. Хакинга, Н. Картрайт, Дж. Рауза; представителей марксистской диалектической традиции и близкой к ней деятельностной культурно-исторической эпистемологии – Э.В. Ильенкова, В.А. Лекторского, Б.И. Пружинина, М.А. Розова, В.А. Бажанова, В.М. Розина, М. Вартофски, М. Бунге, Г. Фройденталя. Теоретические основания различных версий постпозитивистской эпистемологии и повестка дня философии постпозитивизма анализируются в работах Е.Н. Князевой, В.С. Швырева, Е.П. Никитина, О.В. Летова, А.П. Огурцова, В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, И.А. Герасимовой, И.Д. Невважая, Л.П. Киященко, Н.М. Смирновой, Е.Л. Чертковой, Л.В. Шиповаловой, Т.А. Вархотова, С.М. Гавриленко, Т.Д. Соколовой, П.С. Куслия, Е.В. Востриковой, Ю.С. Моркиной, Е.О. Труфановой, С.В. Пирожковой, Е.И. Шашловой, Т. Арабатциса, У. Фест, Т. Штурма, С. Сисмондо, О. Назима, Дж. Заммито, Ф. Коллина.

Разделяя с постпозитивистскими авторами идею предпосылочности научного знания (контекстуализм) и принцип историзма, мы делаем вывод о необходимости философской ретроспекции, направленной не только на научное знание, но и на его философское обоснование, которое признается нами исторически обусловленным фактом мысли. Это позволяет нам предположить, что эпистемологическое (трансцендентальное) обоснование науки, выдвинутое Кантом в противовес онтологическому (метафизическому) обоснованию и подхваченное последующей критикой метафизики, не свободно от онтологических (содержательных) предпосылок. Мы опираемся на работы А.Ф. Лосева, Р. Дж. Коллингвуда, У. Селларса, Е.Н. Трубецкого, А.Н. Уайтхеда, Н. Гартмана, П.П. Гайденко, в которых подчеркивается неустранимость имплицитных «абсолютных допущений» (термин Коллингвуда) той или иной философской позиции, доступных ретроспективной экспликации. Признавая онтологические допущения антиметафизической позиции, мы вводим условное разделение между онтологией и метафизикой, – определяя термином отрицательная (негативная, апофатическая) такую онтологию, которая лежит в основе критики и элиминации метафизического мышления. При этом мы принимаем во внимание два близких (частично совпадающих) круга философских исследований. Во-первых, мы учитываем исследования, авторы которых проводят различие между метафизикой и онтологией, соотнося это различие с традиционными философскими дихотомиями, такими как сущность и существование, причина и следствие, бытие и познание, возможность и действительность, единое и многое (иное) и пр. Отметим работы М. Хайдеггера, Н. Гартмана, Р. Ингардена, М. Габриэля, А.В. Кричевского, П. Ярошинского, Д.Ю. Кралечкина, Ф.Е. Ажимова. Во-вторых, мы имеем в виду исследования, посвященные философской негативности (нигилизму) и негативной онтологии, отрицающей бытие за пределами наличных данных и подменяющей бытие его противоположностью – ничто. Онтология негативности, тесно сопряженная с диалектикой Шеллинга и Гегеля, разрабатывается и рассматривается в работах Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Т. Адорно, Э. Левинаса, Дж. Ваттимо, А. Бадью (и др.). Укажем на работы С.Л. Франка, А.Н. Чанышева, В.Г. Косыхина, В.Н. Поруса, В.Н. Дробышева, Н.М. Солодухо, В.А. Кутырева, Я. Паточки, С. Жижека, П. Адо, К. Каннингема, Х. Яннараса, М. Гиллеспи, в которых анализируются структурные и содержательные аспекты негативной онтологии, ее историко-культурные контексты (в частности, прослеживаются ее связи с неоплатонизмом и апофатической теологией, наукой и постмодернизмом и пр.), формулируется критика онтологического негативизма и исследуются возможности его преодоления.

На наш взгляд, преодоление негативной онтологии, фундирующей критику метафизики, становится возможным благодаря историческому характеру философской метарефлексии. Метафилософская ретроспекция открывает возможность реабилитации метафизики, поскольку она способна показать, что трансцендентальная позиция Канта, редуцирующая онтологию к эпистемологии, не свободна от исторически обусловленных онтологических предпосылок, которые, соответственно, не защищены от пересмотра. Историческую ревизию «абсолютных допущений», лежащих в основе критики метафизики, мы связываем

с регрессивным трансцендентальным аргументом (РТА), восходящим к кантовскому трансцендентальному методу обоснования научного познания. При этом мы опираемся на концепцию РТА К. Америкса, а также учитываем работы П. Стросона, Дж. Беннета, Б. Страуда, П. Гайера, Р. Стерна, М. Сакса, Р. Рорти, Р. Уолкера, Дж. Д'Оро, А. Джонстона, А.Ф. Лосева, С.Л. Катречко, в которых трансцендентальный аргумент (как прогрессивный, так и регрессивный) обсуждается в связи с позициями скептицизма, релятивизма, идеализма и реализма. Подход, выраженный термином РТА, состоит в том, что, начиная с неких наличных данных (концептуально оформленного опыта) философия движется «по нисходящей», к условиям их возможности (предпосылкам, причинам) и затем возвращается назад, сопоставляя полученные результаты с данными опыта, верифицируя или фальсифицируя их. Этот подход имеет круговой характер и занимает промежуточное положение между дедукцией и индукцией. С одной стороны, он испытывает «абсолютные допущения» на прочность, проверяя их опытом; с другой стороны, он направлен на раскрытие «абсолютных допущений», оформляющих опыт. Таким образом, РТА позволяет говорить об историческом, или историко-культурном, априори, выражающем взаимозависимость философии и науки, или концептуального и эмпирического уровней развивающегося знания.

Мы предлагаем описание и интерпретацию феномена возвращения метафизики в терминах РТА, который мы в данном случае интерпретируем как историческое опровержение «коперниканской революции» Канта. Осуществляя ревизию абсолютных допущений кантовской антиметафизической позиции в соответствии с новым опытом, сегодняшняя философия имеет основания заключить об исторически ограниченном характере этой позиции и сделать выбор в пользу реализма. Для тематизации и обсуждения этого ретроактивного реализма мы привлекаем концепцию исторической онтологии как альтернативу концепции исторической эпистемологии. Последняя имеет дело с развитием и изменением трансцендентальных (принадлежащих индивидуальному или коллективному субъекту) условий возможности знания, тогда как первая возвращает трансцендентального субъекта в реальный мир.

В нашей трактовке исторической онтологии мы совмещаем три перспективы. Во-первых, мы учитываем концепцию М. Хайдеггера, в которой человеческое присутствие в мире наделяется онтологической историчностью, а также развивающие эту линию работы М. Фуко, в которых человеческие практики помещаются в исторические и онтологические контексты. Во-вторых, мы ориентируемся на относительно недавние работы П. Галисона и Я. Хакинга⁴, в которых идеи и принципы исторической онтологии анализируются в связи с научными практиками и их реалистической интерпретацией. В-третьих, мы уделяем особое внимание содержательному родству и сближению между концепцией исторической онтологии и разнообразными версиями «нового реализма». О последнем нужно сказать подробнее, поскольку в значительной степени благодаря его присутствию на современной интеллектуальной сцене

---

⁴ Критический взгляд на версию исторической онтологии, представленную в сегодняшних исследованиях науки и техники (STS), изложен в работах Т. Арабатциса.

объект нашего исследования, – возвращение метафизики, – определяется нами как исторический факт мысли⁵.

Мы прибегаем к термину «новый реализм» как собирательному образу который объединяет имена и позиции, ассоциирующиеся с «онтологическим поворотом» философии и философствующей социальной теории последних десятилетий. Новый реализм складывается под воздействием и в перекличке с такими направлениями и школами философии XX в., как прагматическая метафизика (У. Джеймс, Дж. Дьюи), англо-американская и французская философии процесса (А.-Н. Уайтхед, Ч. Хартсхорн, Н. Решер, А. Бергсон, Ж. Делез, М. Серр), системные теории и теории сложности (Г. Бейтсон, Э. Ласло, И. Пригожин, И. Стенгерс, Э. Морен), радикальный конструктивизм и дискурс самоорганизации (Э. фон Глазерсфельд, П. Вацлавик, Ф. Варела, У. Матурана). Данные направления⁶ отличает взаимопроникновение социогуманитарных и естественно-научных подходов и результатов. В них проводится критика традиционных, классических, дуализмов – субъект-объект, онтология-эпистемология, природа-культура, порядок-хаос, живое-неживое и т.п. – поддерживающих дисциплинарное размежевание и дисциплинарный редукционизм в ущерб целостности мира и знания. Позитивное содержание этих направлений, резонирующее с современным научным мировоззрением, состоит в признании процессуального характера реальности, онтологического приоритета динамических состояний тех или иных объектов/систем над статическими («становления» над «бытием»), взаимозависимости и взаимодействия над автономностью, множественности над единством, случайности над необходимостью, новизны над неизменностью и т.п. Этими же чертами, в основном, отмечены и различные варианты нового реализма – от критического до спекулятивного.

Следует признать, что термин «новый реализм» является очень размытым и охватывает множество разнообразных подходов и точек зрения. Для начального уточнения нашего определения мы предлагаем рассматривать новый реализм как выражение постаналитической и постконтинентальной философской мысли. Приставка пост- указывает на критическое переосмысление напряженного отношения (зачастую определяемого как «разрыв») между двумя традициями, одна из которых (аналитическая) ориентирована на эмпирические науки и формальную методологию математического естествознания, а другая (континентальная) – на герменевтическую методологию гуманитарного знания.

---

⁵ При описании и анализе феноменов возвращения метафизики и нового реализма мы опираемся на широкий ряд работ второй половины XX-XXI вв., предметом исследования которых являются метафизика как дисциплина, история и историография метафизики, критика метафизики, реабилитация метафизики, онтологический, или реалистический, поворот. Отметим работы Э. Корета, А.Л. Доброхотова, В.В. Миронова, В.А. Лекторского, И.Т. Касавина, Т. Спарроу, В.Ю. Кузнецова, Л. Ниемочински, С. Жижика, Р. Долфийна, Ю.С. Владимирова, П.М. Колычева, П.М. Д.Р. Гриффина, С. Келлера, А. Бадью, Ф. Ларуэля. Значительную часть интересующих нас работ можно отнести непосредственно к новому реализму (и ревизирующей метафизике), поскольку рефлексия по поводу метафизики и ее возвращения встраивается авторами в собственные метафизические концепции.

⁶ В классификации П. Стросона эти направления следует отнести к ревизирующей метафизике.

Рефлексивный поворот философии к своему прошлому в данном случае означает, что она занимает точку зрения внешнего наблюдателя по отношению к дилемме научного и гуманитарного мировоззрений. Эта точка зрения дает возможность увидеть ситуацию в целом как принадлежащую своему собственному контексту, т.е. увидеть «абсолютные допущения», которые лежат в основе данного противостояния, оставаясь скрытыми от непосредственных его участников. Экспликация и ревизия этих допущений образуют глубинные течения сегодняшней философии, выносящие на поверхность все новые и новые виды реализмов. Ключевой посыл направлен на восстановление разорванной связи между познающим субъектом и миром, на возвращение субъекту парадоксального права высказываться о реальности, которая превышает границы субъективности. Одно из решений, также парадоксальное, состоит в том, чтобы обратить новые факты, добываемые науками о природе, в пользу усиления независимой от науки, спекулятивной философии и превратить науку о природе, физику из противника метафизики в ее союзника. Таким образом, новый реализм балансирует между научным и метафизическим реализмом. Характерные черты, которые позволяют нам обрисовать, хотя и весьма широко, круг нового реализма, мы находим в работах Р. Харре, Я. Хакинга, С. Пильстрёма (практический реализм), Б. Латура, Э. Пикеринга, Д. Харавэй, И. Стенгерс, Дж. Ло, А. Мол (акторно-сетевая теория, симметрические онтологии humans и nonhumans, эмпирические онтологии), Г. Хармана, Т. Мортон, Л. Брайанта (объектно-ориентированная онтология), М. Габриеля (новая реалистическая онтология), Р. Брасье, К. Мейясу, И.Г. Гранта, С. Шавиро (спекулятивный реализм), М. Феррареса (новый реализм), Р. Бхаскара (критический реализм), М. Де Ланда (теория ассамбляжей), Ф. Дескола, Э. Вивейруша де Кастру (онтологии коллективов), К. Барад (агентский реализм), Ж. Бенуа (контекстуальный реализм) и др.⁷

При анализе и интерпретации нового реализма мы учитываем дискурсы постметафизики и метаметафизики. Вслед за Ю. Хабермасом и его концепцией постметафизического мышления многие сегодняшние авторы, а здесь мы ориентируемся, прежде всего, на недавнее весьма обстоятельное и глубокое исследование С.М. Малкиной (а также учитываем работы Е.В. Борисова, С.А. Коначевой, И.В. Демина, У. Шуленберга, Дж. Бэкмана), согласны относительно того, что постметафизику нельзя считать прямым антагонистом традиционной метафизики и ее отрицанием. Постметафизика движется в русле философской ретроактивной рефлексивности, которая не отбрасывает свои прошлые содержания, но, напротив, делает их объектом исследования, соотнося их с порождающими условиями. В этом смысле постметафизика необходимо является метаметафизикой⁸, т.е. критическим исследованием непосредственно данного (метафизического) содержания. Однако трактовка реалистического поворота, или возвращения метафизики, в терминах пост- и мета- метафизики недостаточна для адекватного понимания его претензий и специфики, которые состоят в том, чтобы

---

⁷ См. также книжные серии «New Metaphysics» под редакцией Г. Хармана и Б. Латура (Open Humanities Press); «Speculative Realism» под редакцией Г. Хармана (Edinburgh University Press); «Метафизика. Век XXI» под ред. Ю.С. Владимирова (Бином. Лаборатория знаний).

⁸ О метаметафизике см. недавние работы Т. Тахко, Д. Чалмерса, Ф. Берто, М. Плебани, К. Серк-Хансен, Ф. Кьосавик и др.

включить трансцендентальную позицию со всеми ее пост- и мета- перспективами в действительный мировой процесс, сведения о котором предоставляет наука. Историческая онтология, выступая альтернативой исторической эпистемологии, фиксирует эту специфику и поддерживает эти претензии. Она, во-первых, соединяет в себе точки зрения пост- и мета- метафизики, и, во-вторых, помещает философскую саморефлексию в контекст истории науки. Таким образом, она не только позволяет сделать феномен возвращения метафизики объектом исследования, но и предлагает реалистическое обоснование данного факта мысли.

Объект исследования

Объектом исследования выступают онтологические основания метафизического мышления.

Предмет исследования

Предметом исследования является факт возвращения метафизики в философию нашего времени, рассмотренный в концептуальной и методологической перспективе исторической онтологии.

Цели и задачи исследования

Цель исследования состоит в выявлении историко-онтологических условий возвращения метафизики как факта мысли, под которым мы понимаем возобновление философского интереса к метафизическому мышлению и множественные усилия, направленные на реабилитацию метафизики в философии нашего времени.

Исходя из этого, мы определяем **задачи** исследования:

1) проблематизировать факт возвращения метафизики, поставив вопрос об условиях его возможности и показав, что его можно интерпретировать как исторически и культурно обусловленные «игры разума», не имеющие реальных (метафизических) оснований;

2) связать вопрос об условиях возможности факта возвращения метафизики с двумя исследовательскими направлениями, – исторической эпистемологией и исторической онтологией; дифференцировать и охарактеризовать эти направления в контексте проблематики метафизического и научного реализма;

3) реконструировать две линии движения философской мысли, – 1) собственно метафизическую и 2) критическую по отношению к метафизике; проанализировать роль и значение «коперниканской революции» Канта в развитии философской рефлексии по поводу метафизики;

4) раскрыть связь критики метафизики с идеей непосредственного, или беспредпосылочного, знания и показать историческое банкротство этой идеи; раскрыть значение философского релятивизма как критики познавательной непосредственности;

5) обосновать имплицитный характер онтологических предпосылок «непосредственного знания» и показать, что их экспликация обеспечивается ретроспективной (исторической) философской саморефлексией;

6) выявить онтологические предпосылки критики метафизики и установить их исторически преходящий характер;

7) обосновать применение регрессивного трансцендентального аргумента как метода экспликации онтологических предпосылок критики метафизики;

установить связь регрессивного трансцендентального аргумента с исторической онтологией;

8) выявить онтологические предпосылки возвращения метафизики и раскрыть их исторический характер;

9) показать взаимозависимость научных и философских онтологий; включить феномен возвращения метафизики в контекст содержательных трансформаций научного знания;

Теоретическая и методологическая база исследования

Как следует из названия диссертации, ее теоретико-методологический инструментарий в основном совпадает с инструментарием исторической онтологии, – философского направления исследований, предметом которого являются исторические условия существования объектов, вещей и процессов, включающих среди прочего концепции мироустройства. Необходимо при этом отметить, что историческая онтология, будучи новым, становящимся направлением исследований, пребывает в статусе теоретико-методологической заявки и концептуальной претензии, а не сложившейся дисциплинарной традиции. К наиболее существенным методам и принципам, которые оказали и продолжают оказывать влияние на формирование исторической онтологии и, соответственно, используются в данной диссертации, относятся следующие:

– общенаучные, общеполитические и историко-политические методы теоретического анализа, синтеза, классификации, систематизации, периодизации, типологизации; рациональной реконструкции, сравнительного, диахронического и генетического анализа материала, в данном случае, – онтологических и эпистемологических концепций;

– диалектический метод в его исходном значении исследования противоречий и соединения противоположных теоретических позиций, а также в его последующей гегелевской интерпретации, то есть в сочетании с принципом историзма, принципом снятия, принципом перехода количественных изменений в качественные, принципом единства исторического и логического;

– трансцендентальный метод: а) в интерпретации А.Ф. Лосева, – как исходный метод философии (онтологии, метафизики), состоящий в выяснении необходимых условий возможности опыта и знания; б) в инспирированной Кантом эпистемологической версии, – как критический метод определения формальных условий познания; в) в форме регрессивного трансцендентального аргумента, который носит круговой характер, занимая промежуточное положение между дедукцией и индукцией;

– герменевтический метод понимания и истолкования текстов (в их расширенном значении, – как историко-культурных смысловых рядов, традиций, «культурных кодов»), предполагающий диалог интерпретатора и интерпретируемого;

– принцип историзма, рассматривающий природные и социокультурные явления в их динамике, становлении (развитии) во времени;

– принцип контекстуализма, предписывающий рассматривать знание, научное знание и критерии оценки знания как обусловленные внешними

(социальными, культурными, практическими, теоретическими и т.д.) контекстами (причинами, предпосылками, факторами и т.п.);

– принцип конструктивизма, подчеркивающий активный (организующий, структурирующий) характер познающей мир субъективности;

– принцип междисциплинарности как отвечающий принципу контекстуализма, т.е. позволяющий учитывать разнородные факторы, участвующие в формировании знания.

К важным интеллектуальным традициям, методы и результаты которых были адаптированы для целей и задач данного исследования мы относим:

– философию науки постпозитивизма, и в особенности, такие направления как история и философия науки, социальная эпистемология, историческая эпистемология, исследования науки и техники, в которых принципы контекстуализма и историзма получают тщательную проработку; специальное внимание мы уделяем рекомендации Г. Башляра «рассматривать идеи как факты и факты как идеи»⁹, что позволяет совмещать объясняющую (концептуальную) и дескриптивную (эмпирическую) перспективу;

– философию процесса, отдающую онтологический приоритет становлению над бытием;

– философию истории, вдохновленную посткантовским идеализмом, (в особенности, философию истории Р.Дж. Коллингвуда), которая придает процессам конкретной, культурно обусловленной духовной активности универсальный характер, противопоставляя их застывшим формам абстрактно-всеобщих законов природы и социума;

– русскую религиозную философию, традиционно внимательную к онтологическим условиям возможности знания;

– современные школы и направления нового реализма, эмпирической метафизики, спекулятивного реализма, конструктивного реализма и т.д., в которых: а) прослеживаются и устанавливаются прямые и обратные связи между наукой и метафизикой; б) научная репрезентация мира признается одним из важнейших способов доступа к реальности;

– аналитическую философию, а именно, – исследования, направленные на анализ трансцендентального метода, метафизического и научного реализма.

Научная новизна

Научная новизна данного диссертационного исследования определяется двумя моментами: 1) собственно материалом, над которым осуществляется философская рефлексия и 2) теоретико-методологической позицией автора:

1. Новейшие тенденции «онтологического поворота» и концепции метафизического реализма представлены в аспекте их исторического единства, как феномен (факт) возвращения метафизики.

2. Предложен специфический ракурс рассмотрения феномена возвращения метафизики, позволяющий поставить вопрос об условиях возможности данного факта мысли.

---

⁹ Bachelard, G. The Formation of Scientific Mind. Bolton: Clinamen Press Ltd., 2002. P. 27.

3. Обосновано применение регрессивного трансцендентального аргумента как метода исторического анализа и оценки «коперниканской революции» Канта.

4. Обоснована зависимость эпистемологии от онтологии; установлен и описан исторический (ретроспективный) характер экспликации этой зависимости.

5. Проанализирована исследовательская перспектива исторической онтологии; обоснована адекватность этой исследовательской перспективы феномену возвращения метафизики.

6. Тезис о неустранимости онтологических предпосылок антиметафизической позиции рассмотрен в контексте обсуждения возможностей и пределов «ревизиющей» и «дескриптивной» метафизики.

7. Важные элементы новизны заключаются в адаптации идей и концепций А.Н. Уайтхеда, Р.Дж. Коллингвуда, У. Селларса, Р. Бхаскара, П.Ф. Стросона к исследованию вопроса об условиях возможности факта возвращения метафизики.

Положения, выносимые на защиту

1. Мы определяем возвращение метафизики как возобновление философского интереса к метафизическому мышлению и множественные усилия, направленные на реабилитацию метафизики в философии нашего времени. Возвращение метафизики мы предлагаем рассматривать как факт (мысли), поскольку данный феномен представляет собой действительное интеллектуальное событие (или результат совокупности событий и процессов), эмпирически фиксируемое в своей (относительной) завершенности и интересубъективно транслируемое. Предложенный способ рассмотрения, во-первых, позволяет отнести к возвращению метафизики как локализованному во времени и пространстве конкретному явлению (т.е. учитывает его исторический характер). Во-вторых, он позволяет подвергнуть феномен возвращения метафизики трансцендентальному исследованию условий его возможности, что соответствует традиционной философской задаче обоснования, или объяснения фактически данного познавательного опыта.

2. В нашем случае познавательный опыт – это феномен возвращения метафизики, репрезентирующий обращение к сверхопытной реальности (бытию) как необходимому условию (причине) познавательного опыта. Следовательно, поставленный нами вопрос обоснования (выяснения условий возможности феномена возвращения метафизики) представляет собой сформулированную в историческом ключе проблему реализма. Если мы находимся «внутри» этого феномена, т.е. разделяем апелляцию к сверхопытной реальности как причине познавательного опыта, то само возвращение метафизики подталкивает нас к тому, чтобы искать условия возможности этого интеллектуального поворота в мире, а не в субъекте. Если мы находимся «вне» этого феномена и не поддерживаем обращение к сверхопытной реальности, то мы заранее полагаем, что у феномена возвращения метафизики отсутствуют объективные (реальные) основания, что оно есть следствие неких коллективно принимаемых, социально и культурно обусловленных предпосылок.

3. Факт возвращения метафизики есть исторический ответ на критику метафизики – философскую позицию, ограничивающую познаваемое данным

(переживаемым) в опыте, рациональный выход за пределы которого к его безусловным основаниям признается невозможным. Мы рассматриваем традицию критики метафизики в самом широком смысле, позволяющем охватить скептицизм, апофатическую онтологию, различные виды номинализма, сенсуализма, эмпиризма и субъективизма, кантовский трансцендентализм и его производные, разновидности позитивизма и т.п. В нашем противопоставлении метафизики и критики метафизики мы проводим водораздел не по линии материализм-идеализм или сциентизм-антисциентизм, а по линии внешнее (онтология)-внутреннее (эпистемология). Речь идет о тех философских школах и направлениях, которые запрещают спекулятивные суждения о мире-в-целом, Абсолюте (философскую онтологию) и замыкают познавательный опыт внутри его границ, или, иначе говоря, подменяют онтологию как учение о бытии, или мире-в-целом, эпистемологией – исследованием познавательной способности и ее результатов.

4. Релятивизм в предложенной модели рассмотрения занимает двойственную позицию по отношению к метафизике и ее критике. Мы интерпретируем релятивизм как реализацию исходной философской задачи отнесения познавательного опыта к порождающим его условиям, к которым познавательный опыт отсылает как к своей скрытой причине, лежащей за его пределами. Релятивизм, являясь критикой познавательной непосредственности, выражает сущностные характеристики философии как дисциплины «второго порядка», имеющей дело с генетическим объяснением уже состоявшегося и наличествующего познавательного опыта. Таким образом, объектами приложения исследовательских усилий философского релятивизма могут выступать как метафизика, так и критика метафизики.

5. Критическая по отношению к метафизике позиция основывается на противопоставлении познаваемого (внутреннего, принадлежащего субъекту) и непознаваемого (внешнего). Однако суждения о границах между познаваемым и непознаваемым не исчерпываются тривиальной тавтологией (познаваемое познаваемо, а непознаваемое непознаваемо). Вопрос о границах ставится и решается содержательно, т.е. с эксплицитной и имплицитной опорой на концепции, которые фиксируют и описывают связь между познавательным опытом и тем, что познается, или устанавливают и объясняют отсутствие связи между познающим субъектом и «Великим Внешним». *Внешнее* всегда присутствует за очерченными мыслью ее собственными границами. Оно представляет собой онтологический фон, образованный представлениями о мире-в-целом как реальном основании познавательного опыта. На этом онтологическом фоне разворачиваются эпистемологические коллизии и формулируются эпистемологические суждения. Онтология, которая имплицитно присутствует в эпистемологии как содержательный контекст, порождающий эпистемологическое самоограничение, характеризуется нами как отрицательная (апофатическая). Она противопоставляется положительной онтологии, поддерживающей метафизическое познание.

6. Существуют теоретические допущения (предпосылки), которые остаются «слепым пятном» любого актуального знания. Эти допущения раскрываются исторической философской метарефлексией, которая постфактум подвергает

генетическому анализу свой познавательный опыт. Познавательная непосредственность и (ретроспективная) критическая рефлексия формируют историческое движение философской мысли, образуя своеобразный «люфт» между тем, что мы знаем, и тем, что мы знаем о нашем знании. Это движение, соответственно, представляет собой не последовательное накопление данных, а диалектическое развитие через «новое начало» («поворот»), – развитие, которое осуществляется посредством выявления и ревизии условий возможности (оснований, предпосылок) своего прошлого содержания.

7. Универсальным выражением исторической философской метарефлексии мы считаем регрессивный трансцендентальный аргумент (РТА). РТА совершает круговое движение – он нисходит от следствия (познавательного опыта) к условиям его возможности (предпосылкам) и затем возвращается назад, чтобы сопоставить предпосылки со следствиями. Он, таким образом, занимает промежуточное положение между дедукцией и индукцией. С одной стороны, он направлен на раскрытие «абсолютных допущений», оформляющих опыт; с другой стороны, он испытывает «абсолютные допущения» на прочность, проверяя их опытом. Поскольку РТА имеет дело с исторически прирастающим опытом, его результатом является не только раскрытие прошлых абсолютных допущений, но и их ревизия в контексте нового опыта. РТА, следовательно, есть метод выявления «исторических априори», которые будучи условием и предпосылкой познания, тем не менее, являются исторически изменчивыми. Миро-ориентированный РТА, трактующий абсолютные допущения как реальные причины, а не только предпосылки познания, совпадает с исторической онтологией, которая претендует на исследование исторически изменчивых условий существования познавательного опыта; веро- или концептуально-ориентированный РТА совпадает с исторической эпистемологией, которая сводит изменение онтологического содержания наших теорий к изменению способов, принципов и результатов познания.

8. Трансцендентальный метод (как в прогрессивной, так и в регрессивной трактовке) послужил главным орудием «коперниканской революции» Канта. Он выступил инструментом перевода концептуально оформленного опыта, поставляемого натуральной философией (экспериментально-математическим естествознанием), в термины субъективных (трансцендентальных) условий, объясняющих всеобщий и необходимый (объективный) характер этого опыта. Однако историческое обращение трансцендентального метода в виде РТА на феномен самой «коперниканской революции» позволяет увидеть, что эпистемологическое решение проблемы реализма, предложенное Кантом, основывалось на имплицитной онтологии, определяющей эпистемологическое самоограничение. Трансцендентальная философия Канта вычитывает из результатов математической натуральной философии (наилучшего образца рационального мышления своего времени) то, что оправдывает саму трансцендентальную философию. Фундаментальные законы механики (всеобщие законы природы), открытые современной Канту физикой, свидетельствовали в пользу объективных законов мышления, которые интерпретировались как неизменные принципы конструирования всеобщих законов природы.

9. Возвращение метафизики, (возвращение «докантовского объективизма», или онтологический поворот) мы интерпретируем в терминах РТА, который не только раскрывает «абсолютные допущения» кантовской «коперниканской революции», но и фальсифицирует их, сопоставляя их с результатами наилучшего образца рационального мышления своего времени (экспериментально-математического естествознания) – с новыми научными онтологиями. Революционные изменения в науке второй половины XIX-первой половины XX в., адаптированные философией, во-первых, разрушают априоризм формально-трансцендентальной позиции Канта, подчиняя трансцендентальную субъективность историческому развитию естествознания. Во-вторых, они подрывают тот теоретический фундамент, на котором базировалась универсальная роль трансцендентального субъекта – законодателя реальности. Если кантовский запрет на онтологическое обоснование познавательного опыта вытекает из определенных онтологических допущений, то при фальсификации и ревизии этих последних, эпистемологическое самоограничение, которому Кант придал универсальный характер, обнаруживает свою историческую относительность.

10. Это подтверждается разнообразными концепциями «нового реализма», который, если рассматривать его в целом, осознает себя как альтернативу «коперниканской революции» Канта. Ревизующая метафизика «нового реализма», с одной стороны, носит дополнительный характер по отношению к тому, что она критически исследует, но, с другой стороны, она обладает собственной полнотой и непосредственностью (онтологической автономией), которая, несомненно, встретит своих критиков в будущем. Историческая онтология, возмещая недостаточность исторической эпистемологии, фиксирует специфику и поддерживает претензии ревизующей метафизики, помещая философскую саморефлексию в контекст истории науки. Таким образом, историческая онтология не только позволяет сделать феномен возвращения метафизики объектом исследования, но и предлагает реалистическое обоснование данного факта мысли.

Теоретическая и практическая значимость исследования

В общем плане теоретическая значимость диссертации определяется необходимостью философского анализа и оценки метафизического мышления в его связи с наукой. Философия в виде онтологии и метафизического мышления, с одной стороны, и наука в виде онтологии и эмпирического (экспериментального) метода, с другой стороны, образуют две главные точки опоры европейской культуры. Имеющие общий корень в познающей мир человеческой субъективности, они, тем не менее, демонстрируют напряженные отношения, доходящие временами до отрицания ценности и значения друг друга. Предпринятое теоретическое исследование феномена возвращения метафизики, связавшее данный феномен с содержательными трансформациями научного знания, выявляет взаимную зависимость философии и науки. Экспликация этой взаимной зависимости способствует соблюдению теоретико-методологического равновесия «двух культур» – умозрительной, ориентированной на духовные ценности, и опытной, ориентированной на чувственное познание мира природы. К теоретически значимым результатам менее общего характера следует отнести:

обоснование специфического ракурса исторического рассмотрения метафизического мышления; раскрытие потенциала регрессивного трансцендентального аргумента как метода исторического анализа критики метафизики; формулировку ряда аргументов в пользу зависимости эпистемологии от онтологии; выявление и интерпретацию категорий, используемых исторической онтологией и исторической эпистемологией; внесение уточнений в систематизацию исторических позиций критики метафизики.

Практическая значимость исследования заключается в прямом и косвенном влиянии результатов социогуманитарного анализа исторической динамики и оснований познания на формирование экспертного знания, которое, в свою очередь, влияет на решение прикладных задач социальной и культурной политики. Теоретические положения и выводы диссертации могут быть использованы в образовательных программах, учебно-методических материалах и учебных курсах по эпистемологии, онтологии, истории и философии науки, разработанных для студентов и аспирантов как философских, так и нефилософских специальностей.

Апробация исследования

Диссертация обсуждена 21 сентября 2021 г. в секторе социальной эпистемологии Института философии РАН. Основные идеи диссертационного исследования нашли отражение в двух индивидуальных монографиях и 69 научных публикациях, из которых 32 статьи опубликованы в изданиях, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК и 2 – в англоязычных зарубежных изданиях, входящих в базы данных WoS, Scopus, приравниваемых к изданиям Перечня.

Идеи, тезисы и результаты исследования представлены на 32 научных мероприятиях, таких как конгрессы и конференции, научные семинары, приглашенные лекции в России, Польше, Великобритании, США, Японии, Венгрии, Болгарии, Австрии. Положения и результаты диссертации прошли апробацию в ходе выполнения научных исследований в рамках 15 проектов, поддержанных международными и отечественными фондами, в частности, РГНФ (индивидуальный проект «Конструктивизм как онтология», 2012-2014); РНФ (коллективный проект «Социальная философия науки. Российская перспектива», 2014-2018); РФФИ (индивидуальный проект «Эмпирическая метафизика и условия ее возможности», 2016-2018); РФФИ (коллективный проект «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы», 2018-2020); Грантовая программа Министерства науки и высшего образования РФ (коллективный проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», 2020-2022 гг.). Материалы и результаты исследования использовались в рамках лекционных и семинарских курсов, в частности: «философия», «концепции современного естествознания», «исследования науки и техники: философское введение», «историческая эпистемология», «философское введение в STS» (НИУ-ВШЭ, РАНХиГС, ННГУ, НИУ-ТГУ).

Структура исследования

Диссертация состоит из введения, трех глав (9 параграфов), заключения и списка литературы, содержащего 472 наименований. Общий объем диссертации – 307 страниц.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** формулируется проблема исследования, обосновывается ее актуальность; предложен развернутый аналитический обзор научной разработанности проблемы; формулируются цели и задачи диссертации, раскрываются теоретическая и методологическая основа исследования, новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость; даются определения ряда ключевых понятий и категорий исследования, формулируются предложения, выносимые на защиту.

Основная задача первой главы **«Онтологические основания критики и возвращения метафизики»** заключается в том, чтобы раскрыть диалектическую связь метафизики и критики метафизики и продемонстрировать, что эта связь носит как логический, так и исторический характер. Обосновывается, что критическая по отношению к метафизике позиция опирается на онтологические предпосылки с исторически изменчивым содержанием.

В первом параграфе **«Вопрос о возвращении метафизики: дилемма фактов и доктрин»** поставлен вопрос об условиях возможности возвращения метафизики в философию нашего времени. Проанализирован конфликт между «кабинетным» и эмпирическим способами философствования, который переведен в термины исторически неразрешимого спора между дедуктивным и индуктивным методами. Поскольку факты всегда нагружены доктринами, а доктрины носят исторический характер фактов, предложено рассматривать доктрины как факты. Феномен возвращения метафизики определен как исторический факт нашего времени, что позволяет нам в духе трансцендентального рассуждения задать вопрос об условиях его возможности. Показано, ответ на этот вопрос вовлекает отвечающего в спор о реализме. Так, если мы находимся «внутри» данного феномена, т.е. примыкаем к сторонникам метафизического (или онтологического) поворота, то мы будем искать условия возможности в мире, а не в субъекте, конструируя историческую онтологию. Если же мы находимся «вне» этого феномена, то условия возможности мы поместим в познавательную деятельность субъекта (коллективного субъекта, социума), конструируя историческую эпистемологию.

Поставленный вопрос отличается от отвлеченного вопроса о том, как возможна метафизика *в принципе*. Мы спрашиваем, как возможна метафизика *сегодня*, начиная с наличия ее в сегодняшнем интеллектуальном пространстве в качестве факта и подчеркивая, что условия ее возможности носят исторический характер и должны быть исследованы в качестве таковых. Выбор в пользу исторического подхода позволяет нам спросить: каковы условия возможности метафизики, которые предоставляет нам наше время?

Таким образом, обосновано, что вопрос об условиях возможности факта возвращения метафизики выражает проблему реализма, сформулированную в историческом ключе.

Во втором параграфе «**Онтология и метафизика**» даны характеристики философской онтологии, проведено различие между положительной онтологией, допускающей метафизику, и отрицательной онтологией, запрещающей метафизическое познание. Устанавливается, что философская онтология представляет собой исходный способ философствования, который заключается в исследовании условий возможности познавательного опыта. Положительная онтология (примерами которой являются первые натурфилософские доктрины, философские системы Платона и Аристотеля) санкционирует выход к этим условиям и их содержательное описание. Отрицательная онтология, выражающая себя посредством философского скептицизма и апофатизма, запрещает его, предписывая ограничиться познавательным опытом.

Необходимая связь условий возможности познавательного опыта с самим познавательным опытом выражается принципом тождества бытия и мышления, сформулированным в античной философии. Этот принцип проводит границу между познаваемым (бытием) и непознаваемым (небытием). Показано, что этот принцип способен поддержать как метафизику, познающую бытие или мир-в-целом, так и критику метафизики, запрещающую выход за пределы познавательного опыта. И в случае положительной онтологии, которая допускает познание мира, и в случае отрицательной онтологии, которая запрещает познание мира, речь идет о познаваемости познаваемого (бытия) и непознаваемости непознаваемого (небытия). Однако вопрос о границах между познаваемым и непознаваемым не ограничивается тривиальной тавтологией. Он задается и решается содержательно, т.е. с эксплицитной и имплицитной опорой на концепции, которые фиксируют и описывают связь между познавательным опытом и тем, что познается, или устанавливают причины отсутствия связи (причины разрыва) между познающим субъектом и «Великим Внешним».

Историко-философский анализ позволяет увидеть, что «запредельное», или «Великое Внешнее», всегда присутствует за кругом мысли как фон, наполненный имплицитной онтологией, т.е. содержательными представлениями о мире-в-целом за границами данного.

В третьем параграфе «**О чем можно говорить и о чем следует молчать: релятивизм, апофатизм, скептицизм**» позиция критики метафизики рассмотрена в контексте философских традиций скептицизма, релятивизма и апофатической онтологической философии. Показано, что философский скептицизм, который сомневается в возможности достоверного знания о необходимых условиях этого знания, также, пусть имплицитно, опирается на некоторое положительное знание. Это знание парадоксальным образом, обосновывает скептическую (и любую негативную, запрещающую метафизическое познание) позицию. В философии мы ищем раскрытия условий возможности тех или иных феноменов (фактов познавательного опыта) и скептицизм (критика метафизики) как исторически наличествующая философская позиция не является исключением, которое философия могла бы проигнорировать. Тезис об имплицитных онтологических предпосылках критики метафизики подкреплен сравнением двух позиций

философского негативизма (запрещающего познание абсолюта или мира-в-целом), которые исторически представлены в форме идеализма (апофатическая теология) и материализма (физикализма). Показано, что и та, и другая позиция отрицают познание абсолюта, опираясь при этом на различные концептуальные основания.

Выявлено положительное значение философского релятивизма, который интерпретирован как анализ познавательного опыта *в отношении* к условиям его возможности, т.е. как концептуальное движение от фактов познавательного опыта к порождающим их условиям. Релятивизм, являясь критикой познавательной непосредственности, выражает сущностные характеристики философии как дисциплины «второго порядка», имеющей дело с генетическим объяснением уже состоявшегося и наличествующего познавательного опыта. Таким образом, объектами приложения исследовательских усилий философского релятивизма могут выступать как метафизика, так и критика метафизики. Релятивизм, который ограничивает порождающие познавательный опыт факторы субъективной сферой, т.е. раскрывает эпистемологические (в широком смысле, как принадлежащие индивидуальному или коллективному историко-культурному субъекту) предпосылки познания, относится к традиции критики метафизики; релятивизм, который выходит за пределы познавательного опыта в область онтологии и судит о реальных причинах познавательного опыта, относится к традиции метафизических спекуляций.

Так понятый релятивизм открывает нам путь осмысления философии в целом (включающей в себя и критику метафизики, и возвращение метафизики) как предприятия, условия возможности которого раскрываются в истории.

Вторая глава **«Регрессивный трансцендентальный аргумент как метод исторической онтологии»** посвящена рассмотрению регрессивного трансцендентального аргумента как инструмента, позволяющего осуществить и проследить исторический переход от критики метафизики к возвращению метафизики. Регрессивный трансцендентальный аргумент определен как универсальный метод исторической философской саморефлексии; продемонстрирована возможность его применения к «коперниканской революции» Канта и показаны результаты этого применения. Регрессивный трансцендентальный аргумент охарактеризован как метод исторической онтологии, позволяющий 1) поставить вопрос об онтологических условиях «коперниканской революции» Канта и 2) сформулировать содержательный ответ на данный вопрос.

В первом параграфе **«Метафизика без онтологии и онтология без метафизики: проблема “абсолютных допущений”»** введенное нами в первой главе условное различие между онтологией и метафизикой получает дальнейшую разработку при анализе концепции Р.Дж. Коллингвуда. Проведен сравнительный анализ «абсолютных допущений», которые, как полагает Коллингвуд, имплицитно присутствуют в любой теоретической позиции, предваряя ее, и кантовскими трансцендентальными условиями возможности познавательного опыта. Показано, что абсолютные допущения обнаруживают много общего с трансцендентальными условиями. Однако существенное отличие абсолютных допущений от кантовских трансцендентальных условий (структур)

заключается в содержательном характере первых. Абсолютные допущения суть усвоенные, но неотрефлексированные представления о мире. Абсолютные допущения совпадают с тем, что в данном диссертационном исследовании определено как онтологические основания познавательного опыта и познавательных результатов. Несмотря на онтологический характер абсолютных допущений, Коллингвуд отрицает познавательное значение онтологии и предпочитает говорить о «метафизике без онтологии», выдвигая соответствующий проект реформы метафизики.

Показано, что проект реформы метафизики, предложенный Коллингвудом, сохраняет кантовскую критическую установку, запрещающую выходить за пределы познавательного опыта к его необходимым (онтологическим) условиям. Поддерживая метафизику без онтологии, Коллингвуд разрабатывает методологию ретроспективного (исторического) философского анализа абсолютных допущений как предпосылок мышления, которые, хотя и говорят о природе реальности, тем не менее, целиком и полностью принадлежат «внутренней» реальности познающего субъекта, а не «внешней» реальности природы.

Разделяя с Коллингвудом представление о том, что философия является дисциплиной второго порядка, имеющей дело с объяснением уже состоявшегося и наличествующего концептуального опыта, мы вправе подчинить концепцию Коллингвуда ретроспективному (историческому) философскому рассмотрению с целью выявления абсолютных допущений, которые лежат в основе его реформы метафизики. Ретроспективная рефлексия по поводу реформы метафизики Коллингвуда позволяет вывить, что реформа метафизики Коллингвуда, которая заключается в дескриптивном подходе к метафизическим нарративам и отсечении онтологии, сама основывается на определенных онтологических предпосылках, прежде всего, на противопоставлении целевой и механической причинности. Следовательно, несмотря на то, что Коллингвуд полагает задачей дескриптивной метафизики не раскрытие реальности, или подлинной природы мира-в-целом, а описание структуры нашей коллективной и исторической мысли об этой реальности, определенное знание о мире-в-целом предшествует его общему антиметафизическому выводу о невозможности достичь такового знания. Кантовский по общему направлению проект «метафизики без онтологии», предложенный Коллингвудом, демонстрирует обратное – онтологию без метафизики, или определенный тип онтологии, запрещающей метафизику.

Во втором параграфе **«“Коперниканская революция” Канта как объект философской ретроспекции»** анализируется регрессивный трансцендентальный аргумент и раскрывается возможность исторической фальсификации «коперниканской революции». Рассмотрен кантовский проект трансцендентального обоснования объективного знания (науки), направленный, с одной стороны, против традиционной метафизики (онтологии) и, с другой стороны, против скептицизма. Показано, что в кантовской модели опровержение скептицизма достигается за счет подчинения онтологии (знания о внешнем мире) эпистемологии (знанию о методе получения знания о внешнем мире), что побуждает критиков этой модели интерпретировать кантовское опровержение скептицизма как более изощренную форму скептицизма, которая отнюдь не преодолевает скептицизм как таковой.

Вместе с тем, показано, что предложенный Кантом трансцендентальный метод обоснования науки не может не зависеть от того, что он обосновывает, т.е. от определенной научной онтологии, условия возможности которой он выявляет. В случае Канта речь идет о ньютоновской классической механике, в которой движение сводилось к перемещению материальной точки, причинность – к механическому воздействию, пространство и время мыслились как независимые вместилища движущихся тел. Из этой онтологической ангажированности вытекают как сильная, так и слабая сторона кантовского проекта обоснования науки. Сильная его сторона заключается в том, что он предлагал удовлетворительное объяснение тех познавательных результатов, которые в эпоху Канта представляли собой всеобщее и необходимое знание, реализацию универсальной рациональности. Слабая же сторона состоит в том, что при историческом изменении научных онтологий (в ходе микро- и макро научных революций) трансцендентальное обоснование «проседает», поскольку его абсолютный характер не соответствует исторически относительным научным результатам.

Попытки сохранить трансцендентальное обоснование изменяющейся науки и ее онтологических результатов приводят к историзации трансцендентальной субъективности, что, на первый взгляд, усиливает скептическую позицию в отношении достижения знания о внешнем мире. Однако если интерпретировать историческую трактовку трансцендентальной субъективности в терминах регрессивного трансцендентального аргумента, как это предложено в настоящей главе, то можно говорить о косвенном опровержении скептицизма, или об исторической фальсификации кантовской «коперниканской революции». Проводя различие между прогрессивным и регрессивным трансцендентальным аргументом, мы показываем круговой характер последнего. Начиная с фактов опыта, он движется к необходимым условиям его возможности (онтологическим допущениям) и затем возвращается назад, сопоставляя полученные результаты с данными опыта.

Учитывая исторический характер трансцендентальной субъективности, мы предлагаем рассматривать регрессивный трансцендентальный аргумент как историческое опровержение «коперниканской революции» Канта. Сопоставляя онтологические предпосылки кантовской «коперниканской революции» (определенное в рамках ньютоновской механики понимание пространства, времени, материи, движения, причинности и т.п.) с тем, что сообщает нам о мире экспериментально-математическое естествознание нашего времени, сегодняшняя философия имеет основания заключить об исторически ограниченном характере антиметафизической позиции Канта и сделать выбор в пользу реализма. Историческая фальсификация кантовского антиметафизического проекта охарактеризована как «онтологический поворот», или возвращение метафизики, т.е. как историческая альтернатива «коперниканской революции».

Общая задача третьей главы **«Феномен возвращения метафизики в контексте онтологической интерпретации научного знания»** заключается в том, чтобы поместить феномен возвращения метафизики в контекст содержательных трансформаций научного знания, предложив тем самым реалистическую интерпретацию данного феномена. Также ставится задача

проанализировать теоретические ресурсы исторической онтологии как специфического подхода к феномену возвращения метафизики, отвечающего реалистическим претензиям данного явления мысли.

В первом параграфе **«Проблема причинности (Юм и Уайтхед)»** проанализирована связь концепций причинности Д. Юма и А.Н. Уайтхеда с онтологическими представлениями соответствующих исторических периодов. Решение проблемы причинности, предложенное Юмом, было определено как скептическое (эпистемологическое); решение, предложенное Уайтхедом, – как реалистическое (онтологическое, метафизическое). Показана зависимость скептического решения проблемы причинности от некритически принимаемых онтологических предпосылок, которые не выдержали проверки временем. Показано, что Уайтхед фальсифицирует онтологические предпосылки юмовского скептицизма, сопоставляя их с новыми философскими и научными онтологиями своего времени. Разделяя интерес Юма к внутреннему опыту сознания, обладающему связностью прошлых и действительных переживаний, Уайтхед приписывает эту генетическую связь «внешней» порождающей силе, которая входит в качестве составного элемента в актуальное событие опыта. Концепция причинности Уайтхеда предполагает внутреннюю связь (сращение) актуальных событий, в каждом из которых «внешнее» переходит во «внутреннее», образуя реальную временную последовательность событий.

Показано, что концепция причинности Уайтхеда основывается на представлениях о пространстве, времени, материи, движении, получивших распространение во второй половине XIX-начале XX вв. Уайтхед является сторонником реляционной концепции пространства-времени, в которой пространство и время не мыслятся больше как независимые вместилища единичных вещей, но понимаются в качестве внутренних аспектов физических процессов. На формирование новой картины мира большое значение оказали электромагнитная теория и квантовая механика. Они разрушили то, что Уайтхед называет «ошибкой простого местоположения», т.е. изменили представление ученых о «кирпичике бытия» – о трехмерной частице, занимающей равное себе место. Они позволили интерпретировать ее как процесс процессов, организованных в относительно стабильную структуру.

Во втором параграфе **«Историческая онтология как перспектива рассмотрения “коперниканской революции” Канта»** анализируется проект восстановления «докантовского объективизма», выдвинутый А.Н. Уайтхедом. Мы определяем этот проект как историко-онтологический: возвращение к «докантовским способам мышления» представляет собой объяснение «коперниканского переворота» посредством раскрытия его онтологических предпосылок, или условий его возможности. Исторический подход обнаруживает также, что эти онтологические предпосылки не являются абсолютно устойчивыми.

Разработанную Уайтхедом философию процесса предложено считать примером «ревизирующей метафизики». «Ревизирующая метафизика» была определена П. Стросоном как попытка предложить лучшее онтологическое описание мира. Ревизия метафизики, или, правильнее сказать, ревизия онтологических предпосылок кантовской антиметафизической позиции,

проведенная Уайтхедом, приводит к восстановлению докантовского объективизма, однако, не является при этом реставрацией догматической метафизики докантовской эпохи.

Показано, что философия процесса, понятая как альтернатива кантовской антиметафизической позиции, содержит в себе существенные элементы новизны, что соответствует ее собственным представлениям о диалектическом и эволюционном развитии мысли, которая никогда не возвращается к своим прошлым состояниям. Но мысль никогда и не отбрасывает свои прошлые состояния, не выводит их полностью за пределы «данного». Она судит о них «с высоты» своего собственного исторического развития и таким образом имеет возможность подчинить свои прошлые состояния философской рефлексии. Занимая критическую по отношению к кантовской антиметафизической позиции точку зрения, философия процесса подчиняет эту антиметафизическую позицию историческим условиям ее возможности. Тем самым философия процесса выражает интерес к генезису идей, а не к идеям самим по себе, как если бы они представляли собой универсальные абстракции вне времени и пространства. Этот (генетический) подход, который мы интерпретируем в терминах (миро-ориентированного) регрессивного трансцендентального аргумента, приводит к историзации и онтологизации кантовского трансцендентального субъекта.

Историзация кантовского трансцендентального субъекта лишает его роли универсального эпистемологического законодателя, раз и навсегда отделившего онтологию от эпистемологии; онтологизация кантовского трансцендентального субъекта открывает возможность исторической фальсификации онтологических предпосылок кантовской антиметафизической позиции при сопоставлении этих предпосылок с новыми научными и философскими онтологиями. Мы приходим к выводу, что историко-онтологический способ объяснения «коперниканской революции» Канта является ее косвенным опровержением; он может считаться лишь *относительным* возвращением на позиции докантовской метафизики, поскольку он учитывает результаты исторического развития науки и философии. Новый опыт науки и новые онтологии создают условия пересмотра эпистемологических ограничений и формируют историческую альтернативу критике метафизики.

В третьем параграфе **«Ревизующая метафизика: объяснение данного в опыте»** рассмотрена концепция У. Селларса как еще один показательный пример ревизующей метафизики. Ревизия метафизики, осуществленная Селларсом, так же, как и в случае Уайтхеда, носит косвенный (диалектический) характер. Задача этой ревизии состоит не в прямом опровержении некоей «неправильной» метафизики (онтологической теории) и замене ее «правильной», а в выяснении условий возможности исторически реализованного и концептуально оформленного опыта, в который включены как метафизические представления, так и скептические (апофатические) позиции критики метафизики.

Диалектическая конструкция Селларса является моделью исторического развития исходного отношения между «бытием» и «мыслью-о-бытии». Постулируемое философией тождество бытия и мышления, – переживаемое «данное», за пределами которого нет ничего, что можно было бы переживать и познавать, – Селларс дополняет исторически осознаваемым различием. Различие

означает выход за пределы переживаемого данного и подчинение субъективно осознаваемого совпадения мысли и бытия («явный образ» в терминологии Селларса) внешним условиям («научный образ»). Это рефлексивное историческое обращение мысли развенчивает «миф о данном», демонстрируя, что не существует непосредственного, или беспредпосылочного, знания. Хотя для самого познающего познавательные предпосылки (условия возможности) остаются слепым пятном, они доступны последующей философской рефлексии на историческом пробеге мысли.

Опираясь на концепцию Селларса, мы утверждаем, что философская метарефлексия представляет собой способ обнаружения принципиальной неполноты концептуальных структур. Для того, чтобы определить свое место среди прочих фактов или «вещей» мира, философии необходимо выйти за собственные границы, к своему внешнему – к теоретическим сущностям «научного образа» (в терминологии Селларса). Следовательно, ей необходимо поменять эпистемологический режим на онтологический и восстановить метафизику, которая имеет дело с условиями возможности нашего познавательного опыта, принадлежащими бытию, а не мысли-о-бытию. Важным является то, что теоретические сущности «научного образа» исторически изменчивы. Внешнее по отношению к концептуальным структурам, которые находятся в распоряжении Канта, и внешнее по отношению к концептуальным структурам, с которыми имеет дело Селларс, не тождественны. Именно содержательные изменения категорий «научного образа» позволяют уйти от механистической онтологии, которая лежит в основе эпистемологического перекоса «коперниканской революции».

В четвертом параграфе **«Онтологические основания: предпосылки или причины?»** вопрос об условиях возможности возвращения метафизики сформулирован в виде дилеммы причин и предпосылок концептуально оформленного опыта.

Показано, что «внешнее», которое необходимо предполагается как защитниками метафизики (познаваемое), так и критиками метафизики (непознаваемое), раскрывается посредством регрессивного трансцендентального аргумента, который может быть миро-ориентированным или веро-(концептуально-) ориентированным. В первом случае он говорит о реальных причинах исследуемого познавательного опыта; во втором случае он говорит только о предпосылках этого опыта, принадлежащих внутреннему пространству мысли и не достигающих «внешнего» (бытия). Показано, что реалистическая интерпретация регрессивного трансцендентального аргумента осуществляется исторически, «задним числом», при рефлексивном анализе и сопоставлении конкретных содержательных характеристик «внешнего», которые оно приобретает в ходе развития науки. Мы подтверждаем наш вывод на примере реалистической концепции Роя Бхаскара, демонстрируя, что устанавливаемое им универсальное категориальное различие между «внешними», реальными причинами научного познания, с одной стороны, и его «внутренними» условиями, с другой стороны, обязано новым научным онтологиям, которые адаптирует Бхаскар.

Мы обосновываем, что *философская* онтология соотносится с *научной* онтологией, и это соотношение носит исторический характер. Выявляя исторически ограниченный характер эпистемологического (кантовского) решения проблемы реализма, мы защищаем позицию исторической онтологии, которая имеет дело с (историческими) условиями существования концептуально оформленного опыта, включающего феномен возвращения (реабилитации) метафизики. Показано, что историческая онтология является специфической перспективой исследования феномена возвращения метафизики: она, во-первых, позволяет задать вопрос об условиях возможности этого феномена и, во-вторых, связывает эти условия с содержательными трансформациями научного знания. Выбор в пользу реализма и метафизики носит исторический характер и не может считаться окончательным, но данная ситуация, как минимум, свидетельствует, что развитие естественных наук не только не элиминирует метафизическую проблематику философии, но вдохновляет философию на новый метафизический поиск.

В **Заключении** подведен общий итог исследования, сформулированы основные выводы диссертации, определены возможные дальнейшие направления исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. *Столярова, О.Е.* Исследования науки и технологии в перспективе онтологического поворота. М.: Институт философии: Русайенс, 2015. 189 С.
2. *Столярова, О.Е.* Возвращение метафизики как факт. М.: Русское общество истории и философии науки, 2019. 199 с.

Статьи автора в периодических изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК:

1. *Столярова, О.Е.* Социальный конструктивизм: онтологический поворот (послесловие к статье Бруно Латура) // Вестн. МГУ. Сер. «Философия». 2003. № 3. С. 39–51.
2. *Столярова, О.Е.* Реляционная онтология А.Н. Уайтхеда и ее конструктивистская интерпретация. // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 84–103.
3. *Столярова, О.Е.* L. Daston, P. Galison. Objectivity. Л. Дастон, П. Галисон. Объективность // Вопросы философии. М. 2009. № 12. С.164–169.
4. *Столярова, О.Е.* Спор эпистемологий // Эпистемология и философия науки. М., 2010. Т. 24. № 2. С. 65–67.

5. *Столярова, О.Е.* Исторический контекст науки: материальная культура и онтологии // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 30. № 4. С. 32–50.
6. *Столярова, О.Е.* Два лица априоризма // Эпистемология и философия науки. Т. XXXIV. 2012. № 4. С. 42–58.
7. *Столярова, О.Е.* Бывает ли слишком много бытия? // Эпистемология и философия науки. 2013. № 1. С. 82–84.
8. *Столярова, О.Е.* Онтологическое значение истории науки // Эпистемология и философия науки. 2013. № 1. С. 55–65.
9. *Столярова, О.Е.* Социология науки и философия науки: за пределами дескриптивизма и нормативизма // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 168–177.
10. *Столярова, О.Е.* История и философия науки vs STS // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 73–83.
11. *Столярова, О.Е.* Технонаука как экспериментальная среда и экспериментальная методология // Эпистемология и философия науки. 2016. Т XLVIII. № 2. С. 40–44.
12. *Столярова, О.Е.* Milieu, Embodiment, and Cultural Studies of Science // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. XLVII. № 1. С. 78–83.
13. *Столярова, О.Е.* Идеи Б. Гессена и отечественная философия // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 3. С. 112–132.
14. *Столярова, О.Е.* Стоит ли мыслить науку вне истории? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 47–51.
15. *Столярова, О.Е.* Возвращение метафизики как факт // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 113–123.
16. *Столярова, О.Е.* Коммуникации в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 23–57. (в соавторстве с Пружининым Б.И., Антоновским А.Ю., Ворониной Н.Н. и др.).
17. *Столярова, О.Е.* Подразумевает ли историческая эпистемология историческую онтологию? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. № 3. С. 369–380.
18. *Столярова, О.Е.* Историческая онтология как проблема. Панельная дискуссия // Вестник Томского Государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 194–202.
19. *Столярова, О.Е.* История онтологии продолжается. Ответ критикам // Вестник Томского Государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 226–229.

20. *Столярова, О.Е.* Может ли эмпирическая наука служить обоснованием метафизики? // Вестник Томского Государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 5–18.
21. *Столярова, О.Е.* Философские подходы к классификациям наук: биология // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 1. С. 36–42.
22. *Столярова, О.Е.* Научный активизм и идея перформативности // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 42–48.
23. *Столярова, О.Е.* Можно ли говорить о грехопадении науки? // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 46–50.
24. *Столярова, О.Е.* Наука сегодня – профессия или призвание? // Вестник Томского Государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 107–112.
25. *Столярова, О.Е.* «Коперниканская революция» Канта как объект философской ретроспекции // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 219–236.
26. *Столярова, О.Е.* Философия науки и ее объект: Диалектика контроля и автономии // Философия науки. 2020. № 3 (86). С. 60–71.
27. *Столярова, О.Е.* Когнитивное смирение и научный прогресс // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 139–142.
28. *Столярова, О.Е.* Призвание ученого в расколдованном и вновь заколдованном мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 255–260.
29. *Столярова, О.Е.* Наука и идеалы гуманизма // Вестник Томского Государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 248–253.
30. *Столярова, О.Е.* Можем ли мы надеяться на прогресс в понимании прогресса? // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 63–70.
31. *Столярова, О.Е.* Возвращение метафизики как предмет исторической онтологии: аналитический обзор // Цифровой ученый: Лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 1. С. 126–143.
32. *Столярова, О.Е.* Возвращение метафизики как предмет исторической онтологии: аналитический обзор (Окончание) // Цифровой ученый: Лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 2. С. 180–197.

Статьи автора в периодических изданиях, включенных в международные базы цитирования, учитываемых ВАК:

1. *Stoliarova, Olga.* The Ontological Significance of the History of Science // Journal of the Philosophy of History. 2015. Vol. 9. № 1. P. 140–165. (Scopus)

2. *Stoliarova, Olga.* Objectivity: A History without a Hero: An Essay Review of Lorraine Daston/Peter Galison's *Objectivity* // *Journal for General Philosophy of Science*. 2010. Vol. 41. № 2. P. 395–403. (Wos, Scopus)

**Статьи автора в иных периодических изданиях,
сборниках статей, главы в коллективных монографиях:**

1. *Столярова, О.Е.* Постнеклассический образ науки: исследования технонауки (обзор) // *Философия в XX веке. Ч. I-II, М.: ИНИОН РАН, Ч. II, 2003. С.41–81.*
2. *Столярова, О.Е.* От конструктивизма к метафизике. Послесловие переводчика к статье Э. Пикеринга // *Российский научный журнал*. 2008. № 5(6). С. 92–96.
3. *Столярова О.Е.* Между «реальностью» и «конструкцией»: философия в поисках «новой объективности» // *Философские науки*. 2006. № 8. С. 74–90.
4. *Столярова, О.Е.* Исследования науки и технологии» (STS): к истории формирования дисциплины // *Социально-гуманитарное знание в современном мире*. М.: МЭСИ, 2009. С. 29–42.
5. *Столярова, О.Е.* «Надежда Пандоры: очерки по поводу реальности исследований науки», энциклопедическая статья // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М., 2009. С. 552–554.
6. *Столярова, О.Е.* Идентичность киборгов: обзор материалов конференции “Cyborg Identities”, статья (переиздание) // *Человек: образ и сущность*. М.: ИНИОН РАН, 2009. № 1. С. 216–237.
7. *Столярова, О.Е.* Союз философии и науки: три философских проекта на пороге новейшего времени // *Философские науки*. 2012. № 9. С. 79–93.
8. *Столярова, О.Е.* Жизненный мир и базовые онтологические допущения: проблема генезиса // *Онтологии артефактов: взаимодействие естественных и искусственных компонентов жизненного мира*. Под ред. О.Е. Столяровой. М.: Дело, 2012. С. 113–134.
9. *Столярова, О.Е.* Онтологии артефактов. Жизненный мир как общая мера. Предисловие // *Онтологии артефактов: взаимодействие естественных и искусственных компонентов жизненного мира*. Под ред. О.Е. Столяровой. М.: Дело, 2012. С.7–17.
10. *Столярова, О.Е.* Философия Д.Юма и философия процесса: расширение субъективного опыта до масштабов космоса // *Дэвид Юм и современная философия*. Под ред. И.Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2012. С. 201–214.
11. *Столярова, О.Е.* Понятие конкретного в свете обсуждения проблемы возможного в метафизике // *Возможные миры: Семантика, онтология, метафизика*. Под ред. Е.Г. Драгалиной-Черной. М., 2011. С.300–313.

12. *Столярова, О.Е.* Расширение когнитивного и вопрос о социальном контексте // *Философские науки*. М., 2010. № 11. С. 78–87.
13. *Столярова, О.Е.* О возможности критики научно-технического знания // *Социология власти*. 2012. № 6–7. С. 13–26.
14. *Столярова, О.Е.* «Сколково»: архитектурные зоны обмена // *Социология науки и технологий*. 2013. № 4. С. 132–144.
15. *Столярова, О.Е.* Языки науки и проблема понимания // *Философские науки*. 2014. № 11. С. 82–95.
16. *Столярова, О.Е.* Перевод и понимание: логический позитивизм, постпозитивизм, прагматизм // *Понимание в кросс-культурной коммуникации*. Под ред. И.Т. Касавина. М.: ИФРАН, 2014. С. 41–63.
17. *Столярова, О.Е.* Предисловие, вступительная статья // *Понимание в кросс-культурной коммуникации*. Под ред. И.Т. Касавина. М.: ИФРАН, 2014. С. 3–6. (в соавторстве с И.Т. Касавиным).
18. *Столярова, О.Е.* Медицинские технологии: вопрос об интенциональности // *Философские науки*. 2015. № 11. С. 94–107.
19. *Столярова, О.Е.* Сравнительный анализ постпозитивистских исследований науки в свете проблемы контекста // *Социальная философия науки. Российская перспектива*. Под ред И.Т. Касавина. М.: Кнорус, 2016. С. 51–66.
20. *Столярова, О.Е.* Медицинские технологии, врачи и пациенты: вопрос об интенциональности // *Социальная философия науки. Российская перспектива*. Под ред И.Т. Касавина. М.: Кнорус, 2016. С. 200–211.
21. *Столярова, О.Е.* Рождение реализма из духа социального конструктивизма. Проект реалистического обоснования «науки о науке» Г. Коллинза // *Революция и эволюция. Модели развития в науке, культуре и социуме*. Под общ. ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2017. С. 92–95.
22. *Столярова, О.Е.* О чем можно говорить и о чем следует молчать: скептицизм, релятивизм, апофатизм // *Цифровой ученый: Лаборатория философа*. 2018. Т. 1. № 3. С. 66–81.
23. *Столярова, О.Е.* Онтологические основания критики метафизики и возвращения метафизики // *Цифровой ученый: Лаборатория философа*. 2018. Т. 1. № 2. С. 106–120.
24. *Столярова, О.Е.* Эмпирическое открытие мира-без-человека и проблема научного обоснования метафизики // *История и философия науки в эпоху перемен*. Под ред. И.Т. Касавина, Т.Д. Соколовой, П.Д. Тищенко и др. В 6 тт. Т. 6. М.: РОИФН, 2018. С. 74–77.
25. *Столярова, О.Е.* Несоизмеримость эпистемологий? // *Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии*. Под ред. И. Т. Касавина, Н. Н. Ворониной. Нижний Новгород: ННГУ, 2018. С. 396–405.

26. *Столярова, О.Е.* Борис Гессен: Системное мышление или вульгарный социологизм? *Идеи Гессена в контексте отечественной философии* // Социальная философия науки. Идеи и дискуссии. Под ред. И. Т. Касавина, Т. Д. Соколовой. М.: Русское общество истории и философии науки, 2018. С. 42–56.
27. *Столярова, О.Е.* Третья волна исследований науки как философское обоснование STS // Логос. 2018. Т. 28. № 5. С. 31–52.
28. *Столярова, О. Е.* Философские подходы к классификациям наук: биология // Социальная философия науки. Идеи и дискуссии. Под ред. И. Т. Касавина, Т. Д. Соколовой. М.: Русское общество истории и философии науки, 2018. С. 97–101.
29. *Столярова, О.Е.* Возвращение к докантовским способам мышления с точки зрения историко-онтологической концепции А. Н. Уайтхеда // Цифровой ученый: Лаборатория философа. 2019. Т. 2. №4. С. 129–147.
30. *Столярова, О.Е.* Возвращение к докантовским способам мышления с точки зрения историко-онтологической концепции А. Н. Уайтхеда // Цифровой ученый: Лаборатория философа. 2019. Т. 2. №4. С. 129–147.
31. *Столярова, О.Е.* Как отличить абсолютиста от релятивиста // Второй международный конгресс русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо»: сборник научных статей. Под ред. Л.В. Шиповаловой, И.Т. Касавина. В 7 томах. Т. 3. М.: РОИФН, 2020. С. 87–90.
32. *Столярова, О.Е.* Третья волна исследований науки: экспертиза, язык, онтология // Социальные и цифровые исследования науки. Под ред. А. А. Аргамаковой, Е. В. Масланова, В. В. Слюсарева и др. М.: Русское общество истории и философии науки, 2019. С. 64–80.
33. *Столярова, О. Е.* Историческая эпистемология и медицина: что они могут дать друг другу? // Цифровой ученый: Лаборатория философа. 2020. Т. 3. №3. С. 83–100.
34. *Столярова, О.Е.* Историческая эпистемология в поисках онтологии // Историческая эпистемология: проблемы и перспективы. Под ред. Л.В. Шиповаловой. М.: РОИФН, 2020. С. 50–57.
35. *Столярова, О.Е.* Медицинские теории и практики в контексте постпозитивистской философии науки // Историческая эпистемология: проблемы и перспективы. Под ред. Л.В. Шиповаловой. М.: РОИФН, 2020. С. 104–111.